

HAL
open science

**Ya.K. GROT'S METHOD IN FOREIGN LANGUAGE
TEXTBOOKS AT THE END OF THE 19th
CENTURY/"Метода" академика Я.К.Грота в учебных
пособиях по иностранным языкам конца XIX века**

Nadejda Kriajeva

► **To cite this version:**

Nadejda Kriajeva. Ya.K. GROT'S METHOD IN FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS AT THE END OF THE 19th CENTURY/"Метода" академика Я.К.Грота в учебных пособиях по иностранным языкам конца XIX века. Proceedings of the V.V.Vinogradov Russian Language Institute, 2014, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute /Труды института русского языка им. В.В.Виноградова, Volume 2/ ВЫПУСК 2 (N°2), pp.56-77;. <halshs-01071475>

HAL Id: halshs-01071475

<https://shs.hal.science/halshs-01071475>

Submitted on 5 Oct 2014

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

Н.И. Кряжева (Кузьмина)

Университет им. Блеза Паскаля (Франция, Клермон-Ферран)

Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr

nadiakriajeva@hotmail.fr

«МЕТОДА АКАДЕМИКА Я.К. ГРОТА» В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КОНЦА XIX ВЕКА

Статья посвящена идеям Я.К. Грота в области преподавания иностранных языков и их воплощению в учебных пособиях конца XIX века в России и во Франции.

Вначале мы рассмотрим значение предложений Грота в формировании подхода к преподаванию языков, родного, древних и новейших, в его российском варианте, в котором акцент делался на включении элементов сравнения между языками в историческом и структурном планах, и особенно на сознательном владении грамматикой родного языка, как основы для освоения иностранных.

Затем мы обратимся к отражению, которое данный вариант подхода получил в учебных пособиях по русскому языку как иностранному во Франции конца 19 века.

На выбор названия статьи нас натолкнул небольшой учебник французской грамматики с довольно, как нам показалось, необычным названием: «*Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методу академика Я.К. Грота*»[1], принадлежащий перу Екатерины Ивановны Раевской.[2]

Дело в том, что в литературе, посвященной истории преподавания отечественного языка в России, кажутся привычными упоминания о большом значении «методы Грота», идей и предложений, высказанных ученым для улучшения преподавания русского языка в учебных заведениях, известны и основные положения его концепции в этом вопросе.

В то же время взгляды Грота на изучение и преподавание иностранных языков не получали специального освещения, тем не менее они представляются интересными и актуальными для нашего времени, когда вновь поднимаются вопросы о содержании среднего образования, месте в нем гуманитарных дисциплин, в частности языков, в том числе и классических, древних.[3]

Ключевые слова: учебные пособия по иностранным языкам, история преподавания, XIX век, Россия и Франция, лингводидактическая концепция Я.К.Грота.

Обращение к научному и педагогическому наследию Грота показывает, что взгляды ученого на преподавание родного и иностранных языков формировались и развивались в течение всей его филологической и педагогической карьеры под влиянием контекста лингвистических и педагогических исследований второй половины 19 века, сложившегося в России и в других странах Европы. Я.К. Грот высказывает свои идеи в указанной области начиная с сороковых годов в публикациях, основная часть которых представлена в двух первых томах его трудов: *Из скандинавского и финского мира* (1839–1881), *Филологические разыскания* (1852–1892), и в последнем, 5-ом: *Деятельность литературная, педагогическая и общественная* (1837–1889). [4]

Заметим, что Я.К. Грот и сам пробовал свои силы на поприще учебной литературы по

русскому языку как иностранному в годы своей работы в Александровском университете, стремясь улучшить там его преподавание. Так, в апреле 1848 г. в Гельсингфорсе вышел его «Теоретико-практический курс русского языка для начинающих» на шведском языке. Вторым русско-шведским учебным пособием в его исполнении стал сборник статей по русской литературе с приложением учебного словаря к ним [Grot 1848a, 1848b].

Плетнев Петр Александрович (1792–1862), преподаватель Санкт-Петербургского университета и известный литературный критик, состоявший в тесной дружбе с Гротом, отзывался так об этих работах в одном из писем к нему: «Мне очень нравится твоя простая и обдуманная метода учить иностранцев началам русского языка» [Грот 1896: 231].

Действительно, в период знакомства со скандинавским и финским миром, его культурой, системой и содержанием преподавания, Грот много размышляет о языках, проблемах их адекватного описания и преподавания.

В дневниковых записях 1847 года о своем знакомстве с Упсальским университетом, он отмечал, например, что краткие ознакомительные курсы, компендии, используемые там в обучении, «... лишены жизни и интересу, не запечатлеваются ни в памяти ни в уме... Заставлять детей учиться по одним сокращенным, сухим курсам – большая ошибка» [Грот 1898: 476].

Грот размышлял о введении в учебные русские грамматики результатов исторических исследований языков. Так, соглашаясь в целом с критикой своих финляндских коллег (1844) [5], он подчеркивал положительные изменения, происходившие в этой области: «...это чувствуют и у нас все образованные люди. Изданные недавно «*Филологические наблюдения*» протоиерея Павского доставили весьма важное к тому пособие, доказав, как между нашими учеными сознается потребность улучшения русской грамматики. Финляндские корреспонденты наши, как по всему видно, еще не слышали о появлении этого замечательного труда» [Грот 1898: 283].

Мысли о содержании лингвистического образования ученый развивает в статье «*Об элементарном преподавании родного языка*» (1855) и рецензии на учебник латинского языка Е. Белявского (1876), а также в полемических статьях, напечатанных в 1871 г., в разгар общественных дискуссий о классическом и реальном компонентах в среднем образовании и о самой реформе гимназий [6]. В них Яков Карлович излагает свои взгляды на место и значение древних и новейших языков в интеллектуальном развитии учащихся.

Защищая позиции классического образования, важность его общеобразовательного значения для *европейцев* (к которым он причисляет и русских), Грот не отрицает общественной потребности и в реальном образовании. Уточняет, что лишь там, «... где классицизм, как в Англии, подавляет развитие других знаний, он должен быть ограничен, а там где, напротив, он очень слаб, его следует укрепить». Что касается новейших языков, то, по мнению Грота, рекомендуемое оппонентами их «глубокое» изучение вместо древних невозможно в принципе без знакомства с последними. Я.К. Грот считал, что проблемы преподавания языков в российских гимназиях связаны скорее с «недостаточностью учебных пособий» и плохой организацией обучения. «Мысль ввести, вместо древних языков, новые не так счастлива, как может это с первого взгляда казаться» – заключал он [Грот 1903: 191–192].

В этой связи интересно мнение Грота о роли родного языка при изучении древних : «Как ни полезно раннее и сознательное его изучение в связи с церковно-славянским, однакож и с этим дополнением, ... он никогда не может заменить древних языков; его преподавание должно предшествовать и сопутствовать изучению греческого и латинского, но не исключать их...». Свою позицию по этому вопросу он резюмирует следующим образом:

«...основные пункты моего взгляда на дело:

1) Классическая система имеет глубокое значение для умственного развития молодого человека, и потому незаменима в образовании не только ученых и педагогов, но и вообще людей, предназначенных себя к высшим духовным задачам общественной деятельности.

2) Важность классического образования не устраняет необходимости дать широкий простор реальному образованию, которое доступнее для большинства и нужно как для всех отраслей технических, так и для разных родов практической деятельности.

3) При том низком уровне, на каком у нас до сих пор находилось педагогическое дело,.. введение классицизма во всей его абсолютной строгости невозможно и должно происходить постепенно.

4) Требование, чтобы поступающие в университеты знали оба древние языка, не может вполне достигать своей цели, пока будут существовать, как полнейшее тому противоречие, привилегированные учебные заведения, откуда воспитанники, после поверхностного 6-ти или 7-летнего курса и в сравнительно незрелом возрасте, допускаются к важнейшим отраслям».

В заключение своей защиты древних языков и классического образования в российских гимназиях в целом он подчеркивает: «Если классицизм ведет к какой-нибудь аристократии, то разве только к аристократии ума, трудолюбия и знания, – а в ней единственно твердый оплот против преобладания аристократии всякого рода внешних благ и невежества» [Грот 1903: 193–194].

В вопросе о содержании преподавания языков, в частности родного, Я.К. Грот являлся во многом единомышленником Федора Ивановича Буслаева (1818–1897). Он считал, что труды этого ученого не только дали «прочное основание сравнительному методу в русской грамматике, но и «...составили эпоху в истории преподавания отечественного языка...», ибо преподавание церковно-славянского стало идти параллельно с русской этимологией, и благодаря “Исторической грамматике”, начали появляться учебники, развивающие то же содержание в меньших размерах и в более доступной для учеников форме», – писал он в 1876 г. в упомянутой выше рецензии на учебник Е. Белявского [Грот 1899: 363].

Солидарен он с Буслаевым и в том, что начальное преподавание родного языка должно заключаться в формировании сознательного владения грамматикой, предполагая три взаимосвязанных этапа: наблюдение фактов языка, их осмысление с помощью преподавателя, закрепление в практических упражнениях творческого характера.[7] Именно осмысленное отношение к грамматике родного языка, основанное на анализе языковой практики, необходимо для успешного освоения как древних, так и новых языков, ибо оно позволяет придать обучению системный характер и может служить общим задачам как классического, так и реального образования. Полагая, что подходы к преподаванию родного и иностранного языка должны различаться, Буслаев также ратовал за их тесную связь.[8]

Грот считал, что изучение языков древних и новых должно непременно опираться на уже приобретенные грамматические познания в родном языке.

Иными словами, в гимназиях он предлагал организовать преподавание родного, древних и новейших языков таким образом, чтобы они являлись неразрывно связанными частями единого ансамбля. Для этого необходим путь их сознательного освоения через сопоставление грамматических явлений, через обращение к историческим объяснениям и при условии, что сознательное владение грамматикой будет закладываться на материале родного языка учащихся. «Ничто так не объясняет предметов учения, как открываемая между ними связь; этим только способом то, что само по себе казалось бы случайным и непонятным, приобретает смысл и законность; то, что иначе усвоилось бы только памятью, освещается соображением и входит в сознание» [Грот 1899: 363].

В целом методические взгляды Грота в данной области органично вписывались в процессы адаптации традиционных методов к новым условиям преподавания

иностранных языков в европейском пространстве. К концу 19 века грамматико-переводные методы видоизменялись за счет сравнительно-исторического компонента, вносимого в разных пропорциях в учебный материал, а также за счет перехода к работе над связными текстами и через оптимизацию практических упражнений. Происходило приспособление этих традиционных методов к требованиям различной направленности обучения, обусловленной диверсификацией учебных заведений и ростом их количества.

В этой связи отметим, что в период с 1870 до 1880 г. шло особенно активное завоевание живыми иностранными языками полноценного места в школьных системах Западной Европы, которого они не имели ранее, находясь среди второстепенных предметов утилитарного назначения в гимназическом, по преимуществу, классическом, образовании. С одной стороны, укрепление роли живых языков в среднем образовании привело к «взрывному» развитию учебных пособий, появлению многочисленных так называемых «теоретико-практических» курсов, их быстрой специализации. С другой – и к появлению нового – «прямого», или практического, подхода, сторонники которого стремились вытеснить из преподавания грамматико-переводный метод как несовместимый с преподаванием новейших языков, считая его применимым главным образом в изучении языков «мертвых» [Puren 1988: 42–57].

Российские лингвисты-педагоги, и в частности Ф.И. Буслаев и Я.К. Грот, следившие за западноевропейскими новшествами в данной области и активно участвующие в отечественных дискуссиях по вопросу о содержании гимназического образования, являлись тем не менее убежденными сторонниками теоретико-практического подхода к изучению языков в гимназиях, не отрицая при этом возможностей частичного использования и других методов, в частности «прямого». Дело в том, что новейшие языки в российских гимназиях занимали важное место изначально и вопрос о них ставился несколько иначе, чем в западноевропейских школах, где речь шла об укреплении их позиций по отношению к древним. В России вопрос касался прежде всего оптимизации соотношения между преподаваемыми языками. Защита требовалась скорее классическим языкам, чем новейшим. Признавая важность изучения и тех и других, ученые особенно настаивали на формировании сознательного отношения к языкам как средству оформления и развития мыслительного содержания уже при элементарном, практическом преподавании родного языка, ведущем к сознательному усвоению его грамматического строя, а значит и к созданию прочной основы для усвоения других, одинаково полезных, как древних, так и новейших. Впрочем, именно поиск общей оптимизирующей основы и важность, придаваемая сознательно-сопоставительному подходу в гимназическом преподавании всех языков – родного, древних и новейших – и отличает российский вариант грамматико-переводных методов от тех, что существовали в других странах в тот же период, в последней трети 19 века.

Под влиянием такой обновленной интерпретации целей и содержания изучения языков в отечественных гимназиях, закрепленной реформой 1871 года, в России создавались заново или перерабатывались уже существующие учебные пособия по иностранным языкам.

Так, в своей рецензии 1876 г. на новый учебник латинского языка Белявского Грот отмечал в числе его положительных сторон сравнения, которые автор систематически проводил как с родным языком учащихся, так и с церковнославянским, в форме, доступной для учащихся, и не перегружая при этом учебный материал ненужными деталями.

Он подчеркивал: «В книге этого рода мы, конечно, не можем непременно требовать результатов самостоятельных исследований или новых филологических открытий. Хорошо уже, если автор, ознакомившись с важными учеными трудами по своему предмету, извлекает из них все то, что с пользой может быть употреблено для практической цели» [Грот 1899: 364].

Упомянутый нами в начале статьи учебник французского языка Е.А. Раевской построен также в согласии с изложенными принципами, почерпнутыми ею главным образом из работ Грота, и является таким образом демонстрацией сознательно-сопоставительного варианта грамматико-переводного метода в применении к двум языкам – русскому и французскому.

Так, Раевская пишет во *Введении* к учебнику: «...я заметила, что начинающих более всего пугает перспектива изучения слишком большого количества различных грамматик. Тогда я начала с того, что объясняла им, что все эти, по их понятию, разнородные науки имеют в сущности одни и те же основные начала, общие законы, которые вовсе не так странны, как они им кажутся, и что усвоивши их, они будут иметь понятия о правилах общих всем древним и новейшим языкам и что, со временем, им придется только изучать некоторые особенности того языка, которым они захотят заняться» [Раевская 1890: предисловие].

С первого взгляда ее «*Опыт сравнительного изучения...*» построен вполне обычно для 19 в.: весь грамматический материал, данный на двух языках, расположен на странице в двух столбцах: слева на французском, а справа на русском. Оригинальность состоит в том, что текст их тождественен только в случаях, когда правила обоих языков совпадают. Там, где явление и правило касаются одного языка, в столбце другого языка находится пробел.

С помощью данного приема автор выделяет наиболее важные различия двух языков: в русском языке – отсутствие артиклей и разнообразия глагольных времен в изъявительном наклонении, сослагательного наклонения, а во французском языке – именного склонения, глагольного вида и т.д.

Очень интересна первая глава, посвященная произносительной и орфографической сторонам языка, где Раевская объясняет различия буквы и звука, опираясь на Грота, используя его терминологию. Так, она пишет: «На внешнем основании выводятся еще две части грамматики: произношение и правописание. Но с этой, внешней стороны языки не могут иметь общих форм,... эти две части – дело частных грамматик и не входят в отдел сравнительного руководства. Беру из них только самые основные правила, более или менее общие сравниваемым языкам и необходимые для первоначального их изучения» [Раевская 1890: введение].

Далее она приводит почти дословно гротовское определение буквы и звука: «Буква есть видимое изображение (слышимого) звука. Звук и буква тождественны в смысле, что они простейшие части одного и того же слова, звук – сказанного, буква – писанного».

Представляя звуковой строй русского языка, она выделяет *гласные* и *согласные*, один *полугласный*, *двугласные (дифтонги)*, последние разделяются на *нисходящие* и *восходящие*, или *облеченные*, и здесь же указываются принятые для них *начертания*.

Так, об орфографии восходящих дифтонгов она пишет: «.. начинаясь на *й*, в русском языке они скрываются в начертаниях: *я, е, ё, ю*, употребляемые вместо *йа, йэ, йо, йу*, и их удобнее называть *облеченными гласными*» [Раевская 1890: 8–15].

Основные орфографические правила излагаются также по Гроту, будучи извлеченными из соответствующих разделов его «Русского правописания», и занимают целый ряд страниц в учебнике: правописание имен существительных с «*ять*» (с. 39–41), прилагательных (с. 50–51), местоимений (с. 68), глаголов (с. 120–122). Выделены особые замечания о спряжении русских глаголов (с. 134–137), о правописании предлогов (приставок) *воз-, из-, низ-, раз-* (с. 165) и союзов (с. 168).

Важно отметить, что составительница предназначает свой труд обучающим, а «не для того, чтобы прямо давать в руки малолетним ученикам», полагая что он «...будет полезным руководством для молодых матерей и для заменяющих их домашних учительниц». Из него, как подчеркивает составительница, они смогут «почерпнуть то, что сочтут нужным толковать

детям,... как для ознакомления их с общими правилами, также как и с особенностями обоих языков» [Раевская 1890: 3].

В этой связи заметим, что чаще всего именно домашние учителя преподавали начала русского и новых языков дворянским детям до их поступления в гимназии и кадетские корпуса, т.е. до десятилетнего возраста. На вступительном экзамене в эти учебные заведения от кандидатов требовалось знание элементарных грамматических правил родного языка, а также навыки чтения и письма по-французски.

По сути, содержание всех разделов учебника о русском языке представляет его элементарный курс, а разделов о французском языке – элементарный курс французского.

В этом смысле учебник вполне соответствует своему назначению справочного пособия для начинающего учителя, объяснения основных грамматических явлений двух языков в нем даны действительно в простой и доступной форме.

Сознательно-сопоставительный грамматический подход к изучению языков, защищаемый Я.К. Гротом и получивший в конечном счете официальную поддержку Министерства образования в реформе 1871 года, нашел воплощение в ряде учебных пособий по новым языкам, выходящим, как правило, под названием *прогрессивных, концентрических, или градуальных*. [9] Знакомство с каждым новым грамматическим явлением в таких учебниках начинается индуктивным путем, с простейших примеров употребления, через сопоставление с родным языком, пополняясь затем в каждом *концентре* новыми деталями и комментариями. Уже на элементарном уровне вводится работа над лексикой и грамматикой в связных текстах. Сопоставление с явлениями родного языка также присутствует с первых уроков.

Кроме того, в таких учебниках начинает присутствовать явно выраженная специализация по целям преподавания языков в различных типах учебных заведений. Например, последнее хорошо видно из предисловия к учебнику французского языка В.С. Игнатовича [10]:

«Так как мы назначаем свой учебник для заведений реальных и классических, то желая вполне удовлетворить требованиям учебных планов Министерства Народного просвещения, мы ввели объяснение французских этимологических форм посредством латинских, на основании исторической грамматики. Но так как указания и объяснения этого рода помещены в примечаниях и напечатаны мелким шрифтом, то они ни в чем не могут затруднять учеников, не изучающих латинского языка, и легко могут быть обойдены: сравнения же с русским языком будут одинаково полезны для всех. В издании нашем во всех его частях, мы приняли деление на параграфы, которые представляют, каждый, маленькую главу, заключающую в себе ряд однородных сведений» [Игнатович 1899: XVIII–XIX].

Учебник Игнатовича и другие пособия, отражающие сознательно-сравнительный подход в иноязычном образовании, впрочем, многократно переиздавались, успешно выдерживая натиск «прямых» методов, получавших все большее распространение (главным образом в учебных заведениях без классических языков) к концу 19 в. – началу 20 в.

Благодаря этому, в российских методиках преподавания иностранных языков в дальнейшем и вплоть до настоящего времени не оказались преданными забвению положения о необходимости сознательного владения грамматикой родного языка как основы для успешного изучения иностранных и о важности сравнения языков между собой (исторического в том числе) для лучшего понимания их специфики.

Данный подход получил своеобразное преломление и в учебной литературе по русскому языку как иностранному во Франции, переживавшей в то время период

переосмысления значения новых языков в среднем образовании.

В этой связи напомним, что интерес к русскому языку в этой стране, возникший к концу 18 – началу 19 века, знаменовался появлением его первых грамматик на французском языке: Жана-Батиста Модрю (1802), Гастона Амоньера (1817) и др. Эти учебные пособия адресовались всем желающим познакомиться с русским языком самостоятельно. Проникновение же русского языка в учебные заведения начнется во Франции значительно позже, почти в конце 19 века, с открытием славянских кафедр в Коллеж-де-Франс, в Высшей школе восточных языков и с введением уроков русского языка в нескольких лицеях, ознаменовав таким образом период «русофильства» – сближения Франции с Россией после поражения во франко-прусской войне 1870 – и с заключением франко-русского альянса 1892 г.

Тем не менее место и статус русского языка в среднем и высшем образовании долгое время оставались весьма неопределенными.

Относясь к новейшим языкам, изучение которых во французской средней школе данного периода, как правило, еще сводилось к утилитарным целям, игнорирующим их общеобразовательный и культурный потенциал, русский язык не мог иметь большой привлекательности в отличие от немецкого и английского, так как его изучение не вело к диплому бакалавра, а значит, и к определенному профессиональному выходу.

В то же время сама репутация русского языка как трудного для изучения обусловила его первоначальное включение в программы высшей школы и лучших классических лицеев Парижа, определив тем самым его место как предмета общеобразовательного значения в подготовке элиты гуманитариев.

Несмотря на шаткость положения русского языка в учебных заведениях, возникла необходимость в создании учебных пособий для его организованного изучения в школьных и университетских условиях.

Одной из таких основ оказался существовавший с 1821 г. учебник русской грамматики франкоязычного швейцарца Карла-Филиппа Рейфа, написанный им в России [11], третьему изданию которого (1860) автор постарался придать практическую направленность, снабдив каждый его раздел упражнениями на подстановку нужных форм с переводом.

Именно это издание грамматики выберет основоположник французского славяноведения Луи Леже (1843–1923) для использования в преподавании в Институте восточных языков, и его выбор представляется нам неслучайным.

Грамматика Рейфа считалась лучшей из немногих существовавших в то время пособий по русскому языку для франкофонов. Луи Леже, впрочем, и сам в молодости начинал изучение русского языка по грамматике Рейфа, хотя и считал ее во многом недостаточной.

Оказавшись перед необходимостью организованного обучения русскому языку студенческой аудитории, Луи Леже решает переработать грамматику Рейфа, сохранив имя автора. Он выпускает ее в 1878 году четвертым изданием и пятым в 1886 [Reiff, Léger 1878; 1886]. Обновленная грамматика Рейфа будет переиздаваться вплоть до 1917 года, пользуясь известной популярностью в университетском и школьном преподавании русского языка.

Любопытно отметить, что проведенное сравнение грамматики в переработке Леже с ее оригиналом показало, что изменениям подверглась лишь небольшая часть ее разделов. Во многих случаях следует говорить о дополнении и уточнении параграфов, написанных рукой Рейфа.

Мы считаем, что столь бережное отношение Леже к тексту связано прежде всего с общностью взглядов обоих ученых на многие явления русской грамматики, обусловленных знанием и влиянием работ российских языковедов и педагогов.

Достаточно известно, например, что, отличаясь солидным знанием сочинений европейских лингвистов, Рейф в то же время с большим уважением относился к трудам российских ученых, разделяя с ними многие взгляды на принципы описания грамматического и лексического строя русского языка, следил за их эволюцией, оставаясь в контакте с российскими научными кругами и после отъезда из России в 1838 году.

Так, третье издание своей грамматики (1860) Рейф пересмотрел с опорой не только на Н.И. Греча, с которым он особенно тесно сотрудничал, но и на работы И.И. Давыдова, А.Х. Востокова, а также Г.П. Павского. Книгу последнего «Наблюдения над составом русского языка» (1841–1842), как мы отмечали ранее, высоко ценил Я.К. Грот («замечательный труд»).

Что касается Луи Леже, то в предисловии к своей переработке грамматики Рейфа он упоминает Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.Х. Востокова, И.А. Бодуэна де Куртене, а также Ф. Миклошича и А. Шлейхера как своих наиболее авторитетных учителей в славянской филологии. В тексте грамматики встречаются ссылки на В.И. Даля, с которым Леже разделял взгляды на функционирование русского глагола, а также на Я.К. Грота, которого он придерживался в вопросах орфографии.

Заметим, что его знакомство со многими российскими лингвистами и педагогами происходит во время двухлетнего пребывания в России (1872–1874). В воспоминаниях об этом периоде Леже повествует, в частности, о своих тесных дружеских отношениях с Ф.И. Буслаевым, И.И. Срезневским, а также о встречах со многими другими представителями науки и культуры; естественно, что французский славист был в курсе и российских дискуссий о содержании гимназического преподавания, о месте в нем языков древних и современных [Léger 1905].

Принципы, которыми Леже руководствовался при обновлении рейфовой грамматики, обнаруживают влияние педагогических идей вышеупомянутых ученых, бывших преимущественно защитниками равновесия в преподавании новых и классических языков, опирающемся на сознательное владение грамматикой родного языка.

Так, Леже снабжает эту элементарную грамматику, адресованную начинающим, достаточно многочисленными историческими комментариями. Они присутствуют в ней, как правило, в краткой форме. Таковы, например, объяснения причин аномалий склонения существительных на *-мя* (*время, семья, имя*), на *-енок*, или существования полных и кратких форм прилагательных, либо природы *мнимой* нерегулярности многих глаголов (*брать, звать, мять, жать*) и т.п., сводимые к нескольким строкам в тексте грамматики.

Более пространные исторические замечания, как и отклонения от регулярных парадигм спряжения и склонения в грамматике, набраны мелким шрифтом, предназначаясь для освоения на продвинутом этапе.

В грамматике регулярно проводятся сравнения с латинскими, немецкими и английскими формами. Однако в качестве основной опоры выступают сравнения с явлениями грамматики французского, родного языка учащихся.

Каждому разделу грамматики соответствуют упражнения на выбор нужных форм: Леже сохраняет без изменений все упражнения учебника Рейфа.

Именно в нем впервые упоминается имя Я.К. Грота в связи с освещением вопросов русского правописания. Так, сначала в разделе об алфавите Леже отмечает, что «русская орфография представляет много странностей и аномалий, которые напоминают таковые в английском языке» и что «это происходит от того, что русский язык основывался на орфографии старославянского языка, имевшего другое произношение, другое ударение» [Reiff, Léger 1886: 19].

Затем в разделе, посвященном правописанию, он уточняет: «Мы можем дать здесь

лишь очень краткое и общее изложение основных правил русской орфографии, подвергавшейся в последние годы многочисленным изменениям, поэтому в отношении деталей советуем обращаться к учебнику, составленному по поручению Петербургской Академии ее членом, Яковом Гротом: *Русское правописание, Санкт-Петербург, 1885* [Reiff, Léger 1886: 222].

Учебник русской грамматики Рейфа в доработке Леже отражает по сути концепцию учебника по иностранному языку, закрепившуюся в России в рамках сознательно-сопоставительного грамматико-переводного метода. Значение, которое Леже придавал сознательному овладению грамматикой иностранного языка с опорой на сознательное же владение родною, проявлялось кстати в его весьма категоричных заявлениях о нежелательности допуска к обучению русской грамматике преподавателей, не имеющих обширной лингвистической подготовки и недостаточно хорошо владеющих французским языком. Носителям русского языка, недостаточно владеющим французской грамматикой теоретически, он рекомендовал поручать обучение произношению и технике чтения, не доверяя им грамматики[12]. Так в несколько утрированном виде проявлялась его защита принципов сознательно-сопоставительного метода в преподавании русского языка во Франции данного периода.

В дальнейшем этот метод получит продолжение и развитие в учебнике Виктора Жаклара [Jaclard 1897], а также в известном учебном пособии по русскому языку Поля Буайе и Н. Сперанского, сохранявшего, кстати, орфографию «по Гроту» до своего последнего, шестого, издания 1947 года [Boyer, Spéranski 1905; 1947][13]. Традиции сознательно-сопоставительного подхода при обучении русской грамматике продолжают сохраняться в университетском образовании во Франции и до наших дней.

Литература

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. 2-е изд. М., 1867.

Грот К.Я. (ред.) Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896.

Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. Из скандинавского и финского мира. Очерки и переводы (1839–1881) / под ред. К.Я. Грота Т. 1. СПб., 1898.

Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка (1852–1892) / под ред. К.Я. Грота. Т. 2. СПб., 1899.

Грот Я.К. Труды Я.К. Грота. Деятельность литературная, педагогическая и общественная. Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение (1837–1889) / под ред. К.Я. Грота. Т. 5. СПб., 1903.

Игнатович В.С. Теоретико-практический учебник французского языка, сравнительно с русским и латинским, с приложением хрестоматии и словаря. Рекомендован Учебным комитетом при св. Синоде в качестве учебного руководства для духовных семинарий. СПб.: Тренке и Фюсно. 1882.

Игнатович В.С. Концентрический учебник французского языка сравнительно с русским и латинским, состоящий из трех частей. Курс элементарный (Третья глава на связном тексте). Ч. 1. Издание 17. СПб., 1899.

Любжин А.И. Так живет весь цивилизованный мир... Русская школа и Запад. Очерк взаимоотношений // Лицейское и гимназическое образование. 2003. № 10. С. 9.

Любжин А.И. Очерки истории российского образования в императорскую эпоху. М., 2000.

Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX

– начала XX веков. М., 2005.

Марго Д. Теоретико-практическая грамматика французского языка для старших классов. СПб., 1896, 7-е изд.

Марго Д. Элементарный прогрессивный курс французского языка для младших и средних классов, СПб., 1905, 36 изд.

Попова Е.Г. Культурологические функции изучения иностранных языков в отечественной гимназии (вторая половина XIX – начало XX веков). М., 1999.

Раевская Е.И. Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методу академика Я.К. Грота. М.: Издательство Елизаветы Гербек, 1890. 215 с.

Стрельцов А.А. Парадоксы русского просвещения // История и современность. 2010. № 1. С. 61–77.

Фену А. (Fenou H.) Французская грамматика в сравнении ее с русской. Пособие для учащихся и учителей, не успевшим изучить русского языка теоретически. СПб.: Изд-во И.А. Исакова, 1871.

Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe. P., 1905.

Grot 1848a – *Grot J.* Theoretisk och praktiskt Lärobok i ryska språket. Första kursen för begynnare. Helsingfors, 1848 (2-е изд. 1849, 3-е изд. 1869).

Grot 1848b – *Grot J.* Rysk Läsebok, innehållandes märrearbeten på prosa och versaf J. Grot. Helsingfors, 1848; *Grot J.* Lexicon till Rysk Läsebok. Helsingfors, 1848 (на русском языке: Литературные опыты Якова Грота. Книжка 1. Чтение для юношества. Гельсингфорс: Simelius, 1848).

Fleury J. La grammaire en action à l'usage des Russes par Jean Fleury. 9e édition. SPb., 1892.

Jaclard V. Méthode nouvelle comparative et graduée pour l'étude de la langue russe. Paris: Garnier, 1897.

Léger L. L'enseignement du russe // Revue internationale de l'enseignement. T. 35, février 1898. P. 97–105 // *Léger (Louis).* Russes et Slaves. Études politiques et littéraires. 3e série. Paris: Hachette, 1899.

Léger L. Souvenirs d'un slavophile (1863–1897). P.: Hachette, 1905.

Puren Ch. Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues. Paris: Nathan-CLE International, 1988. P. 42–57.

Reiff Ch. Ph. Grammaire russe avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes par Ch.Ph.Reiff. Revue, corrigée et augmentée par Louis Léger. 4e éd. P., 1878; 5e éd. P., 1886.

Unbegaun B.O. Grammaire russe. Lyon, 1951.

N.I. Kriazheva (Kuzmina)

University of Blaise Pascal (France, Clermont-Ferrand)

Nadejda.KRIAJEVA@univ-bpclermont.fr

nadiakriajeva@hotmail.fr

Ya.K. GROT'S METHOD IN FOREIGN LANGUAGE TEXTBOOKS AT THE END OF THE 19th CENTURY

The paper analyses academician Ya.K. Grot's main ideas concerning teaching foreign languages and their implementation in Russian and French textbooks at the end of the 19th century.

Basic principles of his concept dealing with improving mother tongue teaching at schools are well-known in history. At the same time, the scholar's views on foreign languages in education didn't receive special attention, although they are still interesting nowadays, when questions of content of the secondary education and a place of the humanities in it, in particular, languages – classical and ancient ones – have been risen up.

First, the article examines peculiarities of Russian approach to the teaching of mother languages, both ancient and modern, which evolved as a result of scientific and pedagogical discussions, in which Ya.K. Grot took an active part. An important place in linguistic education was given to the comparison of history and structure of languages to be learnt, especially to the conscious possession of native language grammar as the basis for the development of foreign ones. Grot's original concept of teaching native language, ancient as well as modern, as a single complex with all its parts firmly linked together, influenced the development of a range of well-liked textbooks on foreign languages for secondary schools in Russia.

The second part of the present paper is devoted to the influence of Ya.K. Grot's method on school manuals of Russian as foreign language at the initial period of teaching Russian in France at the end of the 19-th century. The author studies several textbooks written by Ch.-F. Reiff and L. Léger (1878), V. Jaclard (1897), P. Boyer and N. Speranski (1905) and others, which were widely in use at schools and universities that time.

Key-words: textbooks and manuals of foreign languages, history of teaching, XIXth century, Russia and France, linguistic and didactical concept of Ya.K. Grot.

References

Boyer P. et Spéranski N. Manuel pour l'étude de la langue russe [A textbook for studying Russian language]. Paris, 1905.

Buslaev F.I. *O prepodavanii otechestvennogo iazyka* [On teaching mother language]. Moscow, 1867.

Fenu A. *Frantsuzskaia grammatika v sravnenii ee s rrosskoi. Posobie dlia uchashchikhsia i uchitelei, ne uspevshim izuchit' russkogo iazyka teoreticheski* [French grammar in comparison with the Russian one. A textbook for learners and teachers who didn't have time for studying Russian language in a theoretical way]. Saint Petersburg: Y.A. Esakov Publ., 1871.

Fleury J. *La grammaire en action à l'usage des Russes par Jean Fleury* [Grammar in action for Russians by Jean Fleury]. 9e éd. Saint Petersburg, 1892. (In French)

Grot 1848b – *Grot J. Rysk Läsebok, innehållandesmärkearbeten på prosa och versaf J. Grot*. Helsingfors, 1848; *Grot J. Lexicon till Rysk Läsebok*. Helsingfors, 1848; [*Grot J. Russian Reader for foreigners*. Helsingfors, 1848; *Grot J. Lexicon through Russian Reader*. Helsingfors, 1848] *Literaturnye opyty Yakova Grot. Knizhka 1. Chtenie dlia iunoshestva* [Yakov Grot's Literary performances. Book 1. Reading for Youth]. Gelsingfors: Simelius, 1848. (In Swed. and Russ.)

Grot J. *Theoretisk och praktiskt Lärbok i ryska språket. Första kursen för begynnare* [Theoretical and practical textbook on Russian language. The first course for beginners].

Helsingfors, 1848a (2nd ed. – 1849, 3rd ed. – 1869). (In Swed.)

Grot Ya.K. *Perepiska Ya.K. Grota s P.A. Pletnevym. Izdana pod redaktsiei K.Ya. Grota.* [Correspondence between Ya.K. Grot and P.A. Pletnev / under K.Ya. Grot's supervision]. Vol. 3. Saint Petersburg, 1896.

Grot Ya.K. *Trudy Ya.K. Grota. Deiatel'nost' literaturnaia, pedagogicheskaia i obshchestvennaia. Stat'i, putevye vpechatleniia, zametki, stikhi i detskoe chtenie (1837–1889)* [Ya.K. Grot's works. Literary, pedagogical and social activities. Articles, traveller's impressions, notes, poetry and children's reading (1837–1889)]. Saint Petersburg, Vol. 5, 1903.

Grot Ya.K. *Trudy Ya.K. Grota. Filologicheskie razyskaniia (1852–1892)* [Ya.K. Grot's works. Philological studies (1852–1892)]. Saint Petersburg, Vol. 2, 1899.

Grot Ya.K. *Trudy Ya.K. Grota. Iz skandinavskogo i finskogo mira. Ocherki i perevody (1839–1881)* [Ya.K. Grot's works. From Scandinavian and Finnish world. Papers and translations (1839–1881)]. Saint Petersburg, Vol. 1, 1898.

Ignatovich V.S. *Kontsentricheskii uchebnik frantsuzskogo iazyka sravnitel'no s russkim i latinskim, sostoiashchii iz trekh chastei. sostoiaushchii iz trekh chastei. Kurs elementarnyi. Tret'ia glava na sviaznom tekste* [Concentric textbook of the French language compared to Russian and Latin in three parts. Elementary course. The third chapter based on texts]. Part 1. 17th ed. Saint Petersburg, 1899.

Ignatovich V.S. *Teoretiko-prakticheskii uchebnik frantsuzskogo iazyka sravnitel'no s russkim i latinskim, s prilozheniem khrestomatii i slovaria. Rekomendovan Uchebnym komitetom pri sv. Sinode v kachestve uchebnogo rukovodstva dlia dukhovnykh seminarii* [Theoretical and practical textbook of the French language compared to Russian and Latin, with a reader and a dictionary in the appendix. Recommended by Educational Committee within St Synod as a practical guide for theological seminaries]. Saint Petersburg: Threnke and Fusno, 1882.

Jaclard V. *Méthode nouvelle comparative et graduée pour l'étude de la langue russe* [New comparative and gradual method for studying Russian language]. Paris: Garnier, 1897. (In French)

Léger L. *L'enseignement du russe. Revue internationale de l'enseignement. T. 35, février 1898. P. 97–105* [Teaching Russian. International review of teaching. February 1898] // *Léger (Louis). Russes et Slaves. Études politiques et littéraires. 3e série. Paris: Hachette, 1899.* (In French) [Russians and Slavs. Political and literature studies. 3rd serie]

Léger L. *Souvenirs d'un slavophile (1863–1897)* [Slavophil's rememberingings]. Paris: Hachette, 1905. (In French)

Liubzhin A.I. [The whole civilised world lives like this... Russian school and the West. An outline of relationships]. *Litseiskoe i gimnazicheskoe obrazovanie* [A lyceum and grammar school education]. 2003, No 10. (In Russ.)

Liubzhin A.I. *Ocherki istorii rossiiskogo obrazovaniia v imperatorskuiu epokhu* [An outline of Russian education history under the Empire]. Moscow, 2000.

Maksimova S.N. *Prepodavanie drevnikh iazykov v russkoï klassicheskoi gimnazii XIX – nachala XX vekov* [Teaching of ancient languages in the XIXth – XXth century Russian grammar school]. Moscow, 2005.

Margo D. *Elementarnyi progressivnyi kurs frantsuzskogo iazyka dlia mladshikh i srednikh klassov* [Elementary progressive French for primary and secondary school]. The 36th edition. Saint Petersburg, 1905.

Margo D. *Teoretiko-prakticheskaiia grammatika frantsuzskogo iazyka dlia starshikh klassov* [Theoretical and practical French grammar for high school students]. The 7th edition. Saint Petersburg, 1896.

Popova E.G. *Kulturologicheskie funktsii izucheniia inostrannykh iazykov v otechestvennoi gimnazii* [Cultural functions of foreign languages teaching at a national grammar school (mid-XIXth – early XXth centuries)]. Moscow, 1999.

Puren Ch. *Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues* [History of teaching languages methods]. Paris: Nathan-CLE International, 1988, pp. 42–57. (In French)

Raevskaia E.I. *Opyt sravnitel'noi grammatiki russkogo i frantsuzskogo iazyka po metode akademika Ya.K. Grota* [An attempt at a comparative Russian-French grammar after Academician Ya.K. Grot's method]. Moscow: Elisabeth Gerbeck's Publ., 1890. 215 p.

Reiff Ch.Ph. *Grammaire russe avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes par Ch. Ph. Reiff. Revue, corrigée et augmentée par Louis Léger.* 4e éd. Paris: Maisonneuve Frères, 1878; 5e éd. Paris, 1886. (In French) [Russian Grammar with synoptical tablets of declinations and conjugations, topics or gradual exercises, keys for exercises and stressing of all Russian words by Ch. Ph. Reiff. Reviewed, corrected and added by Louis Leger. 4th ed. Paris]

Streltsov A.A. [Paradoxes of Russian Instruction]. *Istoriia i sovremennost'*, 2010, No 1, pp. 61–77. (In Russ.)

Unbegaun B.O. *Grammaire russe* [Russian Grammar]. Lyon: Editions IAC, 1951. (In French)

[1] Раевская Е.И. Опыт сравнительной грамматики русского и французского языка по методе академика Я.К. Грота. М.: издательство Елизаветы Гербек, 1890 г. 213 с.

[2] Екатерина Ивановна Раевская (урожд. Бибилова) (1817–1899) была широко образованным человеком, одарена литературным и художественным талантом. Состояла в браке с помещиком И.А. Раевским (1815–1869), мать девяти детей. Провела большую часть своей жизни в Рязанской губернии, где занималась литературной деятельностью, публиковалась в различных журналах. А.И. Полежаев посвятил ей несколько стихотворений. Оставила воспоминания о встречах и беседах с Л.Н. Толстым, который неоднократно бывал в имении своего друга И.И. Раевского (сына Екатерины Ивановны).

В предисловии к своему учебнику Раевская пишет, что посвятила преподаванию «родного языка и некоторых иностранных» своим и чужим детям более полувека. В воспоминаниях встречаются упоминания об уроках родного языка, французского и английского, которые она давала, выполняя тем самым роль домашней учительницы для своих детей.

[3] См., например: [Любжин 2003, 2000], [Максимова 2005], [Попова 1999], [Стрельцов 2010].

[4] См. соответственно [Грот 1898], [Грот 1899], [Грот 1903].

[5] «...Двое известных финляндских филологов... сообщают нам несколько дельных мыслей о разработке русского языка. Мы считаем своей обязанностью представить их замечания в русском переводе. Вот что сказано в письме из Каяны: «...но мне чрезвычайно досадно, что все русские грамматики, какие я видел, нисколько не объясняют этимологического развития языка, а только сказывают, что например, настоящее в глаголе *дерзять-дерзаю*, в глаголе же *мазать* – мажу, умалчивая, почему одно образуется так, а другое иначе. [...] ...у русского более, нежели у других европейских языков есть самостоятельное основание и внутренняя гармония, то ты извинишь мою досаду, тем более что немецкий, даже исландский (которые, как языки, стоят гораздо ниже русского), стараниями братьев Гримм, Бекера, Раска и других, уже значительно объяснены в отношении к происхождению их и этимологическому построению... [...] Нечего сказать, тяжела ваша речь для наших финских языков! Но если практика трудна, то теория еще труднее, потому что русская грамматика еще в пленках. Чтобы она могла сделаться чем-то живым и получить определенные законы, необходимо основать ее на славянском языке и при обрабатывании ее иметь в виду другие наречия того же корня. Особенно недостаточны: статья о глаголах, отделанная совершенно механически, и статья об ударениях. К объяснению этих предметов славянский язык должен представлять богатые пособия...» Грот Я.К. «Листки из скандинавского мира. IV.1844» [Грот 1898: 283–285].

[6] Грот Я.К. «Об элементарном преподавании родного языка» (1855) [Грот 1899: 390–400]. *Он же*. «Этимология древнего церковно-славянского и русского языка, сближенная с этимологией языков греческого и

латинского» Е. Белявского, преподавателя 5-й Московской гимназии» М., 1875. Рецензия (1876) [Грот 1899: 36–371]. *Он же*. О классическом образовании. В чем сущность вопроса //Голос. 1871. №102 [Грот 1903:186–188]. *Он же*. По поводу вопроса о предметах общего образования // Спб. Ведомости, 1871 г., № 117. [Грот 1903: 188–194].

[7]Ср. у Буслаева:

«1) Приводи дитяти все явления языка таким образом, как поступает сама природа, то есть помощью изустного выражения непосредственных представлений, помощью разговора и чтения. **Этим и следующими правилами отделяем мы методу преподавания отечественного языка от методы преподавания иностранных, ибо отношение дитяти к тому и другому совершенно различно** (*выделено нами – Н.К.*).

2) Формы речи, коими ученик уже умеет пользоваться, доводи до его сознания разбором, следовательно, путем анализа.

3) С разбором соединяй синтезис, совокупление отдельного в практических упражнениях. Вначале подражание, потом знание; теперь опять упражнение, соединяй внешнее с внутренним, форму с содержанием» [Буслаев 1867: 58].

[8] «...Для собственного интереса преподавание новых языков должно заступаться за усиленное преподавание древних, только в гимназиях и в школах нереальных, может быть истинное образование европейское. ...В средствах гимназии – посильное сближение истории языков новых с латинским, греческим и славянским. Отсюда необходимость возведения русской грамматики до сравнительной и исторической. Здесь посредничество языка отечественного между древними и новыми, здесь твердое основание отличию национального от общечеловеческого» [Буслаев 1867: 60].

[9] См., например: [Марго 1896; 1905], [Фену 1871], [Fleury 1892], [Игнатович 1882; 1899].

[10] Игнатович Витольд Станиславович (1834–1902) – преподаватель французского языка 1-ой Санкт-Петербургской гимназии (работал также в семинариях, кадетских корпусах), автор ряда популярных учебных пособий по французскому языку.

[11] К.-Ф. Рейф (1792–1872), грамматист, лексикограф, переводчик, проживший в России более 30 лет, тесно сотрудничавший с Н.И. Гречем, С.И. Шишковым, популяризатор русского языка в Европе.

[12] «Il fallait écarter de l'enseignement les simples maître de langue, les Russes même naturalisés, qui n'ont point point satisfait aux exigences de notre éducation classique» [Léger 1899: 133].

[13]Поль Буайе объяснял это желанием сохранить возможность для обучающихся русскому языку знакомиться с произведениями великих русских писателей 19 века, в частности Л.Н. Толстого, в оригинальных изданиях прошедшей эпохи, а также облегчить им понимание словообразования и «лишь кажущихся нерегулярностей в склонении существительных и прилагательных» [Boyer, Spéranski 1947: XII]. Поль Буайе опирался на труды Грота по орфографии и при разработке своего труда об ударении русских глаголов (*De l'accentuation du verbe russe*, Paris, 1895), а Борис Унбегаун оценивал *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне* как самое авторитетное сочинение о принципах и истории русской орфографии [Unbegaun 1951: 331].